

V
LES TURCS DU DEDANS ET DU DEHORS.

par M. Dragomanoff.

DIE INNEREN UND DIE AUSSEREN TÜRKEN.

ТУРКИ

ВНУТРЕННИЕ И ВНѢШНИЕ.

ПИСЬМО

КЪ ИЗДАТЕЛЮ „НОВАГО ВРЕМЕНИ.“

М. ДРАГОМАНОВА.

Prix : 1 Franc.

GENÈVE—BALE—LYON

H. GEORG, LIBRAIRE-ÉDITEUR

1876

P.3785

ТУРКИ

ВНУТРЕННIE И ВНЪШNIE.

ПИСЬМО

КЪ ИЗДАТЕЛЮ „НОВАГО ВРЕМЕНИ.“

М. ДРАГОМАНОВА.

—
GENEVE — BALE — LYON

II. GEORG, LIBRAIRE-EDITEUR

—
1876

9
—
3

Imprimerie Russe, Eaux-Vives, chemin Montchoisy, 26.

Державна Публічна
БІБЛІОТЕКА УРСР
ІНВ. № 86048

КОЛЕКЦІЯ
Зоопат. інституту.
ВИДАНЬ

Милостивый Государь,

Въ 31 № „Молвы,” въ статьѣ „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“ я между прочимъ разобралъ часть изъ тѣхъ статей, которая помѣщались въ вашей газетѣ по „славянскому вопросу.“ Статья эта послужила поводомъ къ нападкамъ на вашу газету со стороны другихъ газетъ, между прочимъ „Голоса,“ который придалъ ей смыслъ обличенія „нечистыхъ средствъ, употребляемыхъ гг. Лихачевымъ и Суворинымъ,“ между тѣмъ какъ мнѣ не было никакого дѣла до счетовъ „Голоса“ съ гг. Лихачевымъ и Суворинымъ,— а только до тѣхъ псевдо-славянофильскихъ мнѣній, того особеннаго, такъ сказать скалозубовскаго славянофильства, желающаго всѣмъ славянамъ „фельдфебеля въ Вольтеры дать,“—которое когда то выражалось „Голосомъ,“ а теперь заняло видное мѣсто въ вашей газетѣ. Вы остались недовольны, какъ „извращенiemъ смысла“ моей статьи со стороны „Голоса,“ такъ и моими „политическими мнѣніями“ и, приглашая меня заявить, что „Голосъ“ умышленно извратилъ мою статью,“ сами обѣщали „поговорить о моихъ политическихъ мнѣніяхъ“ особо. Я исполнилъ вашу просьбу и прислалъ вамъ свое заявленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько пунктовъ, о которыхъ не мнѣ одному желательно было бы получить „политическія мнѣнія“ газеты, которая не разъ

сама упоминала о своемъ „неожиданномъ даже для себя успѣхѣ.“ Вы моего заявленія не напечатали, своего обѣщанія не исполнили, а вмѣсто того, въ мимоходной замѣткѣ, „извратили“ и мои „политическія мнѣнія,“ приписавши имъ защиту мира въ теперешнее время и причисленіе славянскаго вопроса къ виѣшнимъ нашимъ дѣламъ. Нѣтъ надобности считать себя „великимъ писателемъ,“ „пророкомъ,“ „пиѳіей“ и т. п., какъ вы изволите теперь обо мнѣ выражаться, — можно быть о себѣ самаго скромнаго мнѣнія, гораздо болѣе скромнаго, чѣмъ то, которое вы же сами еще недавно высказали обо мнѣ въ вашей газетѣ, — но при всемъ этомъ нельзѧ не счесть неотъемлемымъ человѣческимъ правомъ желанія, чтобы мнѣній нашихъ, если ужъ ихъ удостоили вниманія, неискажали. Я имѣлъ особое основаніе ревниво относиться къ тому, чтобы моихъ мнѣній неискажали, потому что голосъ мой, какъ бы слабъ онъ ни былъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые такъ старательно заглушаются въ русской печати и административными и столично-антрепренерскими манипуляціями: это голоса такъ называемыхъ украинофиловъ или украинскихъ хлопомановъ, — голоса людей, которые еще съ 30—40-хъ годовъ смотрятъ на дѣло славянской свободы, какъ на свое, кровное дѣло, и въ тоже время чужды и реакціонныхъ стремленій напр. „Московскихъ Вѣд.,“ „Русскаго міра“ и разныхъ старыхъ славянофиловъ и новыхъ славяноблаготворителей, и безогляднаго шовинизма тѣхъ, кто гораздо позже насъ замѣтилъ славянское дѣло, а теперь кричитъ о немъ, какъ о своемъ открытии, и въ сущности только портитъ это дорогое намъ дѣло, и при случаѣ слишкомъ кавалерски перебѣжаетъ по головамъ нашимъ. Таковы, напр., и вы и ваши сотрудники, которые посились съ видимо непродуманными словами Ерошенка: „украинецъ, но не украинофиль,“ — а совсѣмъ забыли, что украинофилы то и были первые ваши корреспонденты изъ Герцеговины даже еще въ „Биржевые Вѣдомости,“ — и пропустили безъ вниманія, что украинофильство сдѣлало изъ еврея Гольдштейна „героя въ славянской войнѣ.“ Вотъ почему я обратился въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ съ просьбой помѣстить письмо въ 52 строки, какъ вы для чего то сосчитали, — въ которомъ, возстановляя сущность своихъ мнѣній, сослался, кроме статьи, по поводу которой начался этотъ разговоръ, — еще на свою брошюру „Про украинськихъ козаківъ,

т а т а р т а т у р о к,” въ которой высказалъ раньше вашей газеты свой взглядъ на значеніе для нашего народа славянотурецкой борьбы и на необходимость активной помощи сербамъ и болгарамъ въ теперешней ихъ попыткѣ освобожденія. Я могъ бы сослаться еще и на другое, еще болѣе ранніе изъ своихъ скромныхъ трудовъ.

Вы въ 228 № объявили, что „не знали и о существованіи этой брошюры,” потому что „не принадлежите къ народу его, (Драгоманова) родины (курсивъ принадлежитъ вамъ)— и что оказывается, что, „считая славянскій вопросъ внутреннимъ нашимъ вопросомъ, мы, стало быть, не расходимся въ этомъ отношеніи съ „Новымъ Временемъ.” Ну и богъ съ вами! — вотъ все, что я могъ бы сказать, если-бъ все дѣло шло о нашихъ личностяхъ. Не писать же мнѣ „откровенныхъ” статей въ родѣ тѣхъ, какія вы написали о г. Головачевѣ, — не спрашивать же васть, на основаніи какихъ „политическихъ” статей вы дѣлали недавно въ вашей газетѣ весьма лестные отзывы обо мнѣ, какъ о публицистѣ, не приглашать же мнѣ напр. г. Суворина къ тому, чтобы онъ заявилъ, что редакція „Нового Времени” умышленно извратила смыслъ моихъ и своихъ статей, говоря о томъ, что мы, стало быть, не расходимся съ „Новымъ Временемъ” во взглядѣ на внутреннее значеніе для Россіи славянскаго вопроса. Да, — говорю не писать же мнѣ обо всемъ этомъ, какъ потому, что мнѣ противна чисто личная полемика, такъ и потому, что вы вотъ, принадлежа къ числу немногихъ счастливцевъ — монополистовъ, которымъ дозволено имѣть свой треножникъ публицистики, сосчитали, сколько строкъ я занялъ даже и въ чужой газетѣ! Я и эти послѣднія строки написалъ съ тяжелымъ сердцемъ единственно потому, что считаю небезполезнымъ подчеркивать пріемы обращенія всякаго литературнаго хозяина - монополиста съ нашимъ братомъ, простымъ-работникомъ, — даже такого, который, выступая на хозяйство, хвастался, что вотъ, молъ, — я издатель-литераторъ, не то что другое — промышленники *).

Но вы рѣшились написать слѣдующія строки:

*) Я остановлюсь только вотъ на чёмъ. Ну, — не будемъ спорить, — пусть ужъ вы не знали моей брошюры. Но, если вы „руссій а особенно славянскій публицистъ, а не своего рода великорусскій „сепаратистъ,” или лучше партикуляристъ, съ централистическими замаш-“

„Г. Драгомановъ становится въ позицію стратега и пророка и говоритъ, что если общество славянское и русское не пойметъ тѣсной связи между внутренними дѣлами Россіи и славянскимъ вопросомъ, то оно „подвергнеть сомнѣнію, какъ начало, такъ и благопріятный исходъ даже самыхъ военныхъ дѣйствій, если они наконецъ будуть начаты со стороны Россіи.” Эта туманная фраза должна бытъ очень глубокомысленна, но мы ее совсѣмъ не понимаемъ. Если г. Драгомановъ хранитъ въ своей душѣ такие большіе секреты, отъ которыхъ зависитъ даже судьба военныхъ дѣйствій, то не мѣшало бы ему подѣлиться ими съ публикою не въ этой формѣ письмическихъ рѣчей и сивиллиныхъ

ками, которые вы неправильно считаете за панрусизмъ или даже за панславизмъ, то вы должны бы знать хоть тѣтъ материаль, изъ кото-
рого она почти вся состоятъ, а именно народныя украинскія и галиц-
кія преданія, пѣсни и думы о борьбѣ съ турками и татарами. Ихъ-
то вы ужъ должны знать, — послѣ того, какъ вы цитировали съ
восторгомъ даже солдатско-канцелярскія поддѣлки подъ народныя
пѣсни о войнѣ съ турками, фабрикованныя въ XVIII вѣкѣ. Вы долж-
ны бы знать эти пѣсни и преданія народа моей родины, если не пото-
му, что вы же писали въ вашей газетѣ обо мнѣ, какъ обѣ издателѣ
ихъ, и даже если не потому, что обѣ нихъ знаѣтъ ученый міръ въ
Европѣ и Россіи (гдѣ недавно обѣ изданія ихъ сдѣлала свой приго-
воръ академія наукъ), такъ хотъ потому, что, по газетнымъ извѣсті-
ямъ, теперь, въ виду войны, народъ и лирики на югѣ Россіи живо
вспоминаютъ эти пѣсни и преданія старой украинской козаччины. А
не мѣшаетъ напомнить, что въ теперь мобилизованной будущей
дунайской армії (грехъ округъ — кіевскаго, одесскаго и харь-
ковскаго) почти все солдаты — украинцы. Самыя элементарныя тре-
бования политической педагогіи должны бы заставить васъ, если вы
точно „руссій” и славянскій публицистъ, обратить вниманіе на пре-
данія народа, изъ котораго взята эта армія. А впрочемъ, — можетъ,
вамъ канцелярскія преданія, и писарская поэзія больше по душѣ,
чѣмъ народно-козацкія. — Вѣдь забыли же вы недавно, обозрѣвая
исторію стремленія Россіи къ освобожденію славянъ, даже взятие
Азова вами и казаками, доцами, вмѣстѣ съ нашими, —
хотя не забыли же вы поставить въ числѣ дѣятелей для славянской
свободы даже Ивана III, который хоть и убѣжалъ отъ Ахмета, за
то съумѣлъ для достиженія специальныхъ московско-владѣльческихъ
цѣлей опустошить славянскій Новгородъ и Вятку и приготовить
иѣмцамъ и шведамъ господство на Балтійскомъ морѣ, и насыпать
Менги-Герса на „литовскіе“ города Кіевъ и Черниговъ и по-
могъ крымцамъ вмѣстѣ съ турками устроить второе, едва ли не
умноженное изданіе батыевщины для всего юга Руси. Или и вы счи-
таете Кіевъ — „литовскимъ“ городомъ, а Украину только за нашу
родину, а не вашу? — E sempre bene, господа!

книгъ. Полагаемъ, что г. Драгоманову еще рано садиться на треножникъ, да и мебель эта въ наши дни возбуждаетъ не то чувство, какое возбуждала у древнихъ.”

Правду говоря, первое, что намъ пришло въ голову, при чтеніи этихъ строкъ, — это слово одного героя украинской комедіи: „лукавиш, серденько, а добре розумійеш”! Нашлись же другіе, которые поняли хоть бы, напр., и ту статью, въ которой вы тоже находили неясные „намеки.” Далѣе, — не странно ли и даже не смѣшино ли, видѣть чувство самодовольства, съ которымъ русскій публицистъ, сидящій не только на треножникѣ, но и на сковородѣ „независящихъ отъ редакціи обстоятельствъ,” требуетъ отъ своего собрата ясной рѣчи и открытія „хранимыхъ въ душѣ секретовъ.” Однако мы готовы повѣрить искренности вашего непониманія и вашихъ вопросовъ и открыть наши секреты, — и вмѣстѣ съ тѣмъ дать вамъ еще одинъ случай объяснить наконецъ давно уже недоумѣвающей насчетъ вашихъ „политическихъ мнѣній” публикѣ, что вы понимаете подъ словами „внутреннее значеніе для нась славянскаго вопроса,” и даже „параллельное развитіе славянскихъ дѣлъ и нашихъ внутреннихъ,” о которомъ вы наконецъ заговорили въ замѣткѣ обо мнѣ, — хотя до сихъ поръ публика не могла вывести изъ всѣхъ вашихъ словъ ничего, кроме развѣ видовъ на увеличеніе „внутренняго употребленія” турецкаго табаку, — такъ какъ никакой программы внутренней политики въ вашей газетѣ не было и слѣда!

Вы врядъ ли хорошенько обдумали вашъ вызовъ. Но не смотря на всю его фельетонную форму, я вамъ очень за него благодаренъ. Въ самомъ дѣлѣ: пора намъ говорить открыто, уже не намеками, хотя бы и ясными для умѣющихъ понимать ихъ, — а твердыми и прямыми словами, какъ прилично людямъ свободнымъ и убѣжденнымъ. Пора и вамъ, господа публицисты столичныхъ журналовъ, показать, „какого вы духа есте,” и обѣявивъ свои программы, если вы ихъ имѣете, принять на себя отвѣтственность передъ всѣми за ваши убѣженія. Если же вы таковыхъ не имѣете, и если вся ваша программа состоитъ въ томъ, чтобы, лавируя между разными партіями и инстинктами общества и колеблющимися дуновеніями изъ главнаго управлениія по дѣламъ печати, какъ можно болѣе собрать и сохранить денегъ за подписку, — то пора обществу въ этомъ и убѣдиться окончательно.

Секретъ, открытія котораго вы требуете отъ меня, довольно простъ,—и хотя онъ далеко не лекарство отъ всѣхъ болѣзней, но въ данномъ случаѣ, въ предстоящей борьбѣ за національное освобожденіе двухъ народовъ славянскихъ, весьма можетъ быть пригоденъ. Для названія его нѣтъ надобности даже въ 52 словахъ, а довольно и двухъ. Секретъ этотъ называется—

Политическая Свобода!

Только эта политическая свобода: всенародное, земское представительство, съ контролемъ надъ дѣйствіями исполнительной власти, съ неприкосновенной свободой лица, слова, сходокъ, обществъ,—и можетъ обеспечить хоть сколько нибудь согласіе дѣятельности правительства съ національными интересами и общественнымъ мнѣніемъ, своевременность проявленія этой дѣятельности, не ждущей, чтобъ турки вырѣзали десятки и сотни тысячъ братьевъ нашихъ прежде, чѣмъ мы надумаемся помочь имъ,—а также только политическая свобода можетъ хоть сколько нибудь охранить нашего солдата отъ тѣхъ злоупотреблений и хищничества, кѣтыя были причиною неудачи восточной войны 1854 — 56 гг. Уже въ маломъ видѣ, въ дѣлѣ помощи сербамъ, мы могли поучиться тому, что за люди успѣли всплыть на верхъ штабнаго и гошпитального завѣданья дѣлами, и какъ начали упливать деньги, корпія, одѣяла; — посмотримъ, что будетъ, когда настанетъ война, — не „станетъ ли опять Богъ на Араатѣ смотрѣть, какъ крадутъ въ комиссариатѣ,” не придется ли опять сочинять пѣсеньки въ родѣ: „А какъ третьяго числа нась нелегкая несла” — и кончать ихъ опять крѣпкимъ словцомъ тѣмъ, — „кто туда водилъ!”

Говорятъ, — теперь такъ не будетъ. Дай богъ; — но это будетъ счастье: вѣдь одинаковыя причины производить одинаковыя слѣдствія, а нашъ политическій строй и теперь совершенно таковъ же, какъ и до паденія Севастополя.

Только политическая свобода дѣйствительно введетъ саму Россію въ кругъ европейскихъ странъ и положитъ начало устраниенію и въ самой Россіи бѣдъ одного порядка съ тѣми, которые возмущаютъ нась въ Турціи, — а именно истощеніе народа всякими поборами, начиная съ отсталой,

аристократической, давно уже осужденной и земствомъ и печатью податной системы, кладущей всю тяжесть государства на мужика, этого русского раба, — произволъ чиновниковъ, отсутствіе гарантій личности, национальная и религіозная нетерпимость. Вѣдь эти очень застарѣлы, къ нимъ до безчувствія приглядѣлись мы и не возмущаемся ими, хотя многія проявленія ихъ стоятъ своего рода „жестокостей въ Болгаріи” и хотя они часто напоминали о себѣ и въ послѣднее время. Вѣдь въ послѣдніе полтора года, когда началось герцеговинское восстаніе, произошли аграрные „безпорядки” въ Чигиринскомъ уѣздѣ, гдѣ опустошена и обезлюдена цѣлая область, въ Воронежской губерніи, гдѣ сенаторъ Клушкинъ получилъ права наши, а на сѣверѣ Черниговской губерніи продолжался хронический голодъ отъ аграрныхъ порядковъ; вѣдь въ послѣдніе годы до 2000 человѣкъ было безъ суда заперто въ убийственные казематы, сослано административнымъ порядкомъ въ дальнія губерніи, состоялось несолько съ самой умѣренной точки зрѣнія варварскихъ приговоровъ по политическимъ дѣламъ (напр. приговоръ 17 лѣтней девушки къ каторжной работе за одну соціалистическую брошюру, какихъ въ Западной Европѣ обращаются въ публикѣ тысячи). Въ самый разгаръ нашего газетнаго похода на турокъ и мадьяръ не переставали сыпаться щедрою рукою предостереженія газетамъ; пять газетъ подверглись временному, одна, и при томъ подцензурная (Кievskій Телеграфъ) — совершенному закрытию (а между тѣмъ еще во время каудійского вопроса кн. Горчаковъ писалъ, что печать въ Россіи свободна, такъ какъ правительство поставило себѣ цѣлью развитіе въ русскомъ обществѣ самоуваженія); цензура не допустила къ печати несолько русскихъ переводовъ ученыхъ сочиненій, обошедшіхъ всю Европу; полицейскою бумагою закрыто ученое общество, труды которого хвалила русская, славянская и западно-европейская печать (кіевскій отдѣлъ географического общества); — изъ судовъ Польши изгнанъ народный языкъ; совершенно запрещено печатаніе не только книгъ на малорусскомъ языке, но и текстовъ къ потамъ и даже исполненіе малорусскихъ пѣсенъ въ концертахъ; русскіе сектанты тщетно ждали свободы вѣроисповѣданія, а мирные проповѣдники напр. штундизма, называющіе себя „русскими братьями,” сидѣли въ тюрьмахъ и монастыряхъ. — Въ самое послѣднее время, подъ

шумъ восточного вопроса, изданъ давно осужденный и осмѣянный даже русской печатью законъ объ усиленіи власти администраторовъ, предоставляющій генералъ - губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ право издавать разъясненія и дополненія законовъ, — обратившій россійскую имперію въ какую - то децентрализованную помпадурію и собственно положившій конецъ всякой тѣни самостоятельности земскихъ управъ и думъ городскихъ; оживилась комиссія по пересмотру университетскаго устава, т. е. по уничтоженію всякой самостоятельности университетовъ — и все это какъ нарочно, чтобы показать, что общественное мнѣніе въ Россіи ровно ничего не значитъ; — наконецъ, вѣроятно въ видѣ отплаты мусульманамъ балканскимъ, издано запрещеніе быть учительницами дѣвицамъ мусульманкамъ, хотя бы и выдержаншимъ на то установленныя испытанія, — мѣра, которую могъ присовѣтовать кто нибудь только для того, чтобы оскандалировать правительство, добивающееся равноправія христіанъ и магометанъ въ Турції.*)

Неужели же все это и многое другое въ такомъ родѣ — не признаки турецкихъ порядковъ въ Россіи? Конечно, многое въ Турціи гораздо рѣзче, — но на то она и Турція. Но за то въ Турціи есть воля хотьходить изъ одной гляурской секты въ другую, а кромѣ того даже г. Катковъ насчиталъ не очень давно въ Турціи больше народныхъ школъ, чѣмъ въ Россіи, а вы сами сознались, что розничная продажа газетъ въ Константиноополь вольнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. А по всему этому развѣ мы, славяне россійской имперіи, — великоруссы, малоруссы, поляки, — не въ правѣ сказать, что и мы нуждаемся и „въ дѣйствительныхъ реформахъ,” и въ „прочныхъ гарантіяхъ ихъ исполненія,” какими въ государствѣ, не желающемъ, чтобы его признали тоже больнымъ человѣкомъ, можетъ быть только самоуправлѣніе самого населенія и политическая свобода.

*) Того же порядка двѣ мѣры, благополучно дѣйствующія уже не сколько лѣтъ: это — недопущеніе къ педагогической службѣ въ гимназіяхъ и университетахъ евреевъ, хотя бы и кандидатовъ и докторовъ, имѣющихъ по закону равныя права службы съ христіаниномъ, и недопущеніе поляковъ въ русскіе университеты больше чѣмъ 10% всѣхъ слушателей; въ Киевскомъ 20%, — для того, вѣро, чтобы не обрушили. А мы уже и не знаемъ, какого нравственнаго порядка огульное оскорблѣніе и при томъ частнаго, а вовсе не политическаго характера, нанесенное въ 1873 г. русскимъ студенткамъ въ Цюрихѣ!

Но мало того, — отсутствие политической свободы въ Россіи и присутствіе въ ней турецкихъ порядковъ, не говоря уже о тяжести ихъ для всѣхъ славянскихъ и не славянскихъ народовъ, населяющихъ эту обширную имперію, — составляютъ главную причину, почему еще существуетъ Турція въ XIX в. Почему Россія такъ охотно попадала „въ сѣти западной дипломатіи,” какъ говорятъ недогадливые русские патріоты? — Потому что, со временемъ французской революціи, отошли на второй планъ „крестовые походы,” „греческие проекты” и т. п. страшныя для Турціи старыя слова, а на первый планъ выступили: съ одной стороны интересы свободы народовъ и народностей, съ другой интересы существующей власти. Съ тѣхъ поръ, какъ „Екатерининскіе орлы” и „козаки” пошли вмѣсто Дуная на Альпы „спасать троны и алтари, поколебленные превратными французскими идеями,” существованіе Турціи и луна на св. Софії обеспечены были на долго.

Я довольно ясно для каждого, знающаго хоть сколько нибудь новѣйшую исторію, намекнулъ на сходство восьмилѣтняго терпѣнія со стороны Россіи, какъ члена меттерииховскаго Священнаго Союза, рѣзни грековъ 1821 — 28 гг. съ теперешнимъ миролюбивымъ попущеніемъ сербо-болгарской рѣзни въ теченіи полутора года, во время бисмарковскаго „союза трехъ императоровъ.” Но вы почему то пропустили этотъ довольно ясный намекъ. Неужели же вы не понимаете, гдѣ причина перевѣса „сѣтей дипломатіи надъ историческими стремлѣніями русскаго народа”? Государство, въ которомъ подъ видомъ самодержавія, господствуетъ своею волею чиновниковъ, въ которомъ даже въ податной системѣ существуютъ еще сословная привилегія, въ которомъ господствуетъ система насильтвенного обрушения всѣхъ невеликорусскихъ элементовъ, полицейская охрана господствующей церкви и нѣтъ самой элементарной личной неприкосновенности, — государство, въ которомъ даже правящіе не могутъ же не видѣть непрочности такого порядка вещей въ наше время, а потому не могутъ не взирать со страхомъ на всякое свободное движение около себя, хотя бы и противъ Турціи, — такое государство не можетъ ревностно служить дѣлу свободы и самоуправлія славянскихъ и неславянскихъ племенъ даже подъ Турціей.

Конечно, совершенно отказаться отъ того, къ чему стремился сотни лѣтъ русскій народъ, къ чему онъ началъ стре-

миться въ лицъ казаковъ украинскихъ и потомъ донскихъ раньше правительства, никакое русское правительство не въ силахъ. Но было бы противуестественно, чтобы подобное правительство обнаруживало большую ревность къ установлению прочной свободы по союзству съ собою; было бы противуестественно, чтобы къ нему съ довѣріемъ относились болѣе образованные слои подчиненныхъ туркамъ населеній, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе патріотично настроены; — неестественно, чтобы и это правительство могло быть дружественно настроено къ этимъ слоямъ, — къ разнаго рода славянскимъ, румынскимъ, греческимъ омладинамъ, которыхъ, конечно, не для того же хотятъ низвергнуть иго турокъ, чтобы замѣнить его другимъ.

Все это, конечно, не можетъ не мѣшать энергіи и единству дѣйствій противу-турецкихъ силъ, какъ это мы видѣли не только въ теченіи всего XIX вѣка, но и въ послѣднюю сербо-турецкую кампанію. Передъ войною упорно ходили слухи о нерасположеніи русского правительства къ конституціонной и въ тоже время наиболѣе национальной сербской партії г. Ристича, о томъ, что русскіе дипломатическіе агенты предостерегали черногорскаго князя противъ „сѣтей омладины”. А во время войны сербы боялись, что Черниловъ поможетъ Милану произвестъ противоконституціонный переворотъ, а самъ Черниловъ имѣлъ без tactность сказать въ рѣчи, произнесенной при провозглашеніи Милана сербскимъ королемъ, о томъ, что армія сербская должна дѣйствовать и противъ внутреннихъ враговъ, намекая на конституціонную партію, какъ по крайней мѣрѣ разъяснили этотъ намекъ русскія газеты, въ томъ числѣ и ваша, говорившая о враждебности къ Чернилову этой конституціонной партіи, — т. е. именно той, которая и была всегда партіей всесербской патріотической войны. Вы еще намекали, что эта партія не очень то дружественно настроена къ Россіи и русскимъ вообще. Откуда же взялось это недружелюбное настроеніе? Вслѣдствіе господства въ сознаніи всѣхъ образованныхъ людей въ Европѣ извѣстнаго рода политическихъ идей, никакое государство, построенное на развалинахъ Турціи, не можетъ не быть устроено иначе на началахъ конституціонныхъ. И самодержавная Россія должна была принимать участіе въ устроеніи конституціи Греціи и Румыніи, должна вѣдаться съ конституціонной Сербіей. Но искренняго сочувства и довѣрія между свободными политическими партіями

въ этихъ странахъ и русскими политическими людьми быть не можетъ вслѣдствіе разницы началъ, на которыхъ держится государственная жизнь Россіи съ одной стороны, и Сербіи, Румыніи и Греціи съ другой. Напротивъ между ними всегда будетъ недовѣріе. Если чисто политическія комбинаціи заставятъ Россію добиться такой или иной автономіи Герцоговины, Босніи, Болгаріи, — произойдетъ тоже самое и съ ними, а ужъ особенно всякий видъ покровительства со стороны теперешней Россіи балканскимъ государствамъ, — повелъ бы за собою только повтореніе отношеній между конгрессовой Польшой и Россіей Николая I - го или же по меньшей мѣрѣ остановилъ бы въ такой же степени развитіе этихъ странъ и ихъ учрежденій въ свободномъ духѣ, какъ это дѣлается съ Финляндіей. Во всякомъ случаѣ вліяніе теперешней Россіи на освобожденныхъ отъ турокъ славянъ, — если бы это освобожденіе и совершилось, могло бы быть только самое вредное и вызвало бы въ сербахъ, а далѣе и въ болгарахъ только ненависть, которая легко перенеслась бы и на самое русское общество.

Эту противуестественность, это противурѣчіе между тѣмъ, что называется „историческою миссіей Россіи” — (изгнаніе турокъ изъ Европы), — и турецкими порядками въ самой Россіи отлично понимаютъ всѣ „друзья турокъ на гниломъ Западѣ”, начиная отъ Меттерниха блаженныхъ временъ, — и оканчивая теперешними нѣмеckими газетами противуславянского направленія и англійскими партіі Д’Израели. Всѣ эти господа пугаютъ съ одной стороны Европу русскимъ кнутомъ, — а съ другой русское правительство „панславистическимъ революціонаризмомъ”, демократизмомъ сербской омладины и великомурумунской партіі. Развѣ не ясно, въ чей огородъ кидаль камушки Д’Израели, говоря о томъ, что все сербское дѣло подняли тайныя общества? Вамъ, господа петербургскіе публицисты, былъ опять случай показать себя свободными людьми, а не лакеями, и разъяснить двойную гнусность этого иностранного доноса, хоть намекомъ указавъ на тотъ кредитъ, какой имѣютъ въ Россіи внутренніе доносы. Но вы опять пропустили этотъ случай, какъ пропустили случай потребовать себѣ большей свободы, когда англійская торійская печать замѣтила, что какъ въ Россіи нѣтъ свободы печати и лица, то по этому русское правительство само направляетъ печать и волонтеровъ на Турцію. Вы показали видъ, что „много довольны” внутрен-

ними порядками, что вы вполнѣ свободны въ миѣніяхъ и дѣйствіяхъ, что въ Россіи доносы не дѣйствуютъ и страха тайныхъ обществъ и демократическихъ идей никто въ Россіи не испытываетъ. На дняхъ и лордъ Лофтусъ вслѣдъ за своимъ премьеромъ попробовалъ попугать наше правительство сербскимъ и румынскимъ либерализмомъ, замѣтивъ, что ставши самостоятельными, эти сосѣднія съ Россіей страны, станутъ своего рода Польшами, даже превратятся въ республики, и „обѣ не будутъ способствовать спокойствію и безопасности сосѣднихъ державъ”. Какъ видите очень тонко!

И что жъ? Такія запутыванія очень хорошо дѣйствуютъ! Лордъ Лофтусъ получилъ отвѣтъ, — что по миѣнію русскаго правительства полная самостоятельность Румыніи и Србіи, (тѣмъ паче, значитъ, Болгаріи), какъ королевствъ, есть „глупость,” «*une sottise*» какъ счелъ долгомъ почитировать англичанинъ, и русское правительство пристало къ дербіевскому проекту какой то „административной автономії” Босніи, Герцеговины и Болгаріи, хотя понимаетъ эту автономію какъ-то по своему, въ болѣе широкомъ смыслѣ.

И такъ все, что говорилось славянофилами о полномъ освобожденіи братьевъ, все до титула „король сербовъ”, съ которымъ такъ носились вы, вслѣдъ за ген. Черняевымъ, — все, о чёмъ мечтали энергические люди у самихъ сербовъ и болгаръ, — все это признано „глупостью”. Не глупость — это „административная автономія”, хотя и подъ гарантіею державъ, на которую теперь согласенъ и Д’Израели! Это значитъ — правленіе предстоящихъ расплодиться въ Босніи, Герцеговинѣ, и Болгаріи классовъ христіанскихъ кулаковъ и мелкихъ чиновниковъ, въ добавокъ еще правленіе не имѣюще выгодъ полной государственной самостоятельности, при которой хоть есть надежда на то, что народъ страны хоть когда нибудь получить то правленіе, какое хочетъ. Надъ этой административной автономіей останется и власть султана и его чиновниковъ, и еще опека всѣхъ консуловъ, которые деньгами и интригами будутъ дѣлать себѣ изъ этихъ кулаковъ и чиновниковъ партіи: турецкую, русскую, австрійскую, английскую, прусскую и т. д.

Вотъ какое освобожденіе внесетъ къ братскимъ народамъ официальная Россія, объявивши ихъ завѣтныя мечты „глупостью”. И люди, претендующіе быть представителями „неофициальной Россіи” будутъ имѣть духъ превозносить подобную славянскую политику, которая попустивъ смерть

десятковъ тысячъ сербовъ и болгаръ, и иѣсколькихъ тысячъ русскихъ добровольцевъ, выступаетъ съ такою программою!

Въ этомъ поведеніи или иѣть никакого человѣческаго достоинства и смысла, или оно есть результатъ иностранной интриги, искусно пользующейся страхомъ деспотического правительства ко всякой свободѣ, или же „офиціальная Россія” маккіавеллистики разсчитала, что во время поддержанные сербы и болгаре, не переживъ бойни и разоренія, стали бы скоро на свои ноги и сдѣлались бы сами завязью всеславянской свободы, болѣе достойною надеждѣ славянства, чѣмъ теперешняя Россія. Во всякомъ изъ этихъ трехъ случаевъ поведеніе „офиціальной Россіи” въ теченіи всего послѣдняго движенія не заслужитъ благодарности славянства, и если теперь измученные сербы и болгары, скрѣпа сердце, еще находятъ въ себѣ силы восхвалять „старшаго брата” славянской семьи, то только потому что утопающій хватается не только за соломинку, но и за бритву.

Впрочемъ и „неофиціальная Россія” показала, что она сродни „офиціальной”, — или лучше сказать продукты офиціальной Россіи въ томъ, что вы и вамъ подобные безъ разбору провозгласили Россіей народной, закрыли среди русскихъ добровольцевъ представителей дѣйствительно порядочной и дѣйствительно народной Россіи какъ у насъ всегда бываетъ и какъ всегда будетъ пока не будетъ политической свободы, — единственнаго условия для группировки чистыхъ людей и разъясненія чистыхъ идей искреннимъ, но мало образованнымъ людямъ. А славянскіе вопросы по особой ихъ сложности и связи съ внутренними дѣлами национальными, религіозными, политическими и соціальными такъ трудны для обсужденія въ Россіи чистыми людьми, что иѣть ничего удивительнаго, если до сихъ поръ въ нашемъ славянофиліи преобладалъ всегда и теперь всплылъ на верхъ обскурантный и ташкентскій элементъ. Мы говоримъ о нашихъ добровольцахъ въ Сербіи, съ которыми откупщики и прикащики нашей печати и даже иѣкоторые болѣе порядочные, но не дальновидные люди, носились, какъ съ призракомъ, — не знаемъ уже и которымъ по счету, — „зрѣлости нашего общества”, началомъ самостоятельности его въ решеніи политическихъ вопросовъ. Вы впрочемъ и тутъ остались вѣрны себѣ и, не смотря на небезвыгодную для васъ репутацію слегка оппозиціоннаго журналиста, воротившиесь

изъ Сербіи, сдѣлали такой только выводъ изъ всего этого общественно добровольского дѣла, — что молъ „общественное движение въ пользу сербовъ доказало, что правительство можетъ опереться на общество, если захочетъ выступить активно”. — А если не захочетъ? — то при чёмъ тутъ „общественная самостоятельность”?

Да, хвастаться этой самостоятельностию нечего! Зрѣлое и самостоятельное общество заставило бы правительство послать на Дунай 200 — 300,000 арміи, а не ограничились бы отправкою 5 — 10,000 волонтеровъ изъ 55 — 60 миллионовъ однихъ русскихъ племенъ. Да и эта отправка произошла только благодаря „попущенію” правительства, и теперь уже стѣсняется администрацией и полиціей, а высшимъ авторитетомъ этотъ „знакъ русской общественной злости” названъ опытомъ „вылить холодной воды” (*de jeter de l'eau froide* — какъ цитируетъ не безъ юмора лордъ Лофтусъ въ своей интересной депешѣ, — *was his Majesty's expression*) на славянскій энтузіазмъ русского общества, — опытомъ, который и удался, такъ какъ по словамъ высшаго авторитета „очень много русскихъ офицеровъ убито, и энтузіазмъ (русскихъ) къ сербамъ сильно понизился”. Не потому ли и ультиматумъ, остановившій Абдуль Керима уже тогда, когда легло столько головъ сербскихъ и русскихъ, явился такъ поздно, не смотря на то, что въ газетахъ, имѣвшихъ близкое отношение къ Чернилову, уже за недѣлю до него были печатаемы отчаянныя телеграммы, — чтобы опытъ обливанія холодной водой русского общества удался лучше? Согласитесь, что странѣ, въ которой возможны подобные опыты, что обществу, о которомъ можно такъ говорить, — далеко до того, чтобы хвалиться своею злостью и самостоятельностью? *).

*) Любопытно, какъ иѣжно передаютъ русскіе газеты эти любезныя слова: „sottise” и „jeter de l'eau froide”. Въ „Спб.-Вѣдом.” „глупость,” переведено „большимъ промахомъ,” а „окатить холодной водой” — охладить пыль движенія; въ „Нов. Времен.” — „успокоить умы”! Любопытно также, что чужой человѣкъ, „Times” выразился о разговорѣ главы русского правительства съ Лофтусомъ, — что первый говорилъ „съ любезностью, не имѣвшо въ виду выказать русскую гордость.” Да, гдѣ жъ тутъ русская гордость! Тутъ и искры уваженія къ русскому народу нѣть, потому что нѣть и зерна сознанія своей къ нему принадлежности! — Такъ говорилъ баринъ о своей двориѣ. А русская печать смолчала съ истинно-холопской тупостью первовъ. Неужели же притупились нервы и у общества?!

Но посмотримъ ближе, — какія начала принесли съ собою въ среду болканскихъ сдавянъ, эти посланцы неофиціальной Россіи, добровольцы „зрѣларо“ русского общества. Объ нихъ мало говорили до сихъ поръ, — все больше или хвалили за энтузіазмъ и храбрость или брали за безобразничанье и пьянство, прибавляя при этомъ, что „въ семье не безъ урода“ и указывая на ихъ храбрость, достаточно выкупавшую пьянство въ глазахъ русскихъ людей; — а въ послѣднее время хотя и поднялся крикъ о беспомощности положенія русскихъ добровольцевъ, о беспорядочномъ съ ними обращеніи, — но и эти крики могутъ быть утишены указаниями, что послѣ пораженія арміи на голову вездѣ бываютъ беспорядки, жалобы и т. п. Тутъ же къ стати нечистота приемовъ всякихъ Бильбасовыхъ даютъ вамъ и вамъ подобнымъ дешевые лавры, — (при чемъ вы читаете вашимъ товарищамъ по газетной печати мораль о приличномъ для публициста поведеніи, которое сами соблюдать не думаете), — и „подвигъ русского народа въ дѣлѣ помощи сербамъ и болгарамъ“ все остается величественнымъ! Правда вы съ самаго начала паталкинулись на явленія по серъезиѣ, чѣмъ пьянство уродовъ семьи, — на битье русскими офицерами болгарскихъ волонтеровъ, — но вы поспѣшили сейчасъ же успокоить публику замѣчаніемъ: „такой ужъ мы народъ: зубы побьемъ, а все таки освободимъ“. И надъ вами даже мало кто посмѣялся и почти никто не спросилъ: „отъ чего освободимъ? отъ мордбитій?!“ И критика поведенія однихъ нашихъ добровольцевъ и положенія другихъ не поднялась до сихъ поръ выше обличенія излишняго употребленія ракіи „уродами въ семье“ и не выдачи подводъ „даже офицерамъ“, какъ говорятъ жалующіеся въ „Голосѣ“. Только генералъ Новоселовъ решительно и по всемъ пунктамъ обвиняетъ распоряженія генерала Даневеля, — но публика готова увидѣть въ этихъ обвиненіяхъ только пикировку двухъ генераловъ.

По ссрбскимъ газетамъ, и по письмамъ сербовъ въ русскія газеты ничего не поймешь; пишущіе для печати сербы, по расчету ли, или по хозяйствской вѣжливости, но не говорятъ о нашихъ даже того, что говорятъ наши газеты, — которые далеко не платятъ серbamъ подобною же сдержанностью оносительно нихъ. Только въ кой-какихъ корреспонденціяхъ, да въ прорывахъ, въ родѣ вашего сообщенія о мордбитіяхъ, раздаваемыхъ болгарамъ, мелькаютъ черты

„родного быта,“ занесенного нашими осводителями на Саву, Мораву, на тихий Дунай. Но за то эти черты ярки въ письмахъ и рассказахъ самихъ добровольцевъ нашихъ, — и будетъ время, когда правда откроется передъ нашимъ обществомъ, будетъ время, когда сербы откровенно перекрестья и скажутъ: „ну, избавилъ насъ богъ и отъ константинопольскихъ и отъ русскихъ турокъ!“

Нашихъ добровольцевъ нельзя сваливать въ одну кучу. Былъ среди нихъ процентъ людей, искренно и сознательно шедшихъ послужить дѣлу народной свободы, — но многие изъ такихъ прямо и говорили тоже, что тургеневская Елена: „что дѣлать въ Россіи?“ Это, конечно, не ваши. Голосовъ, выражавшихъ ихъ взглядъ на дѣло въ русской печати почти не было слышно. Мало того, ихъ голоса не очень то могли быть слышны и въ Сербіи, — и не они стояли въ главѣ дѣла. За тѣмъ честно и искренно шли крестьяне и значительная часть солдатъ. Эти шли „за вѣру пострадать“, „честный крестъ“ оборонять. Это тоже не ваши, господа петербургскіе публицисты; хоть вы и вторили иправославной потѣ во всемъ этомъ движеніи, но втореніе это, конечно, лицемѣrie, и лицемѣrie мало достойное! Но и эти несчастные страдальцы „за крестъ“ не стояли въ главѣ дѣла, — они были только матеріей дѣйствія.

Во главѣ дѣла стали русскіе офицеры, изъ коихъ многие прямо говорили: — „мнѣ все равно“, — „некуда дѣваться“, да генералы, да агенты славянскихъ комитетовъ. Конечно, и между офицерами были люди порядочные, но весьма любопытно, что безобразничать начали офицеры, юнкера и вообще „благородные“; они увлекли и „простыхъ“, изъ которыхъ даже пьяницы давали зарокъ „не пить“, — а главное, что изъ этихъ то благородныхъ выпили на верхъ именио „бурбоны“, что именно бурбоновъ понасыпали наши особенно столичные, славянскіе комитеты въ качествѣ уполномоченныхъ, — и что по этому именно бурбоны дали окраску всему поведенію русского отряда въ Сербіи. А какъ сербское правительство отказалось отъ всякой власти надъ русскими добровольцами, — то наши несчастные освободители братъевъ отъ турецкаго ига, попали именно подъ иго бурбонскаго элемента, ничѣмъ уже не сдерживаемаго и въ добавокъ прошедшаго школу совсѣмъ уже безконтрольнаго насилия на Кавказѣ, въ Польшѣ, во внутренней Азіи. Письма и разсказы добровольцевъ, вполнѣ достойныхъ вѣры, го-

ворятъ о безмѣрномъ мордобитіи, привязываніи къ столбамъ на солнцѣ, отбитіи ушей нагайками, „всыпаніи” 400 палокъ, — чему дѣйствительно безсosловно подвергались и солдаты, и крестьянинъ, и студентъ университета, и учитель гимназіи отъ назначенныхъ и самозванныхъ командировъ, изъ которыхъ иные, какъ напр. генералъ Новоселовъ, начинали мордобитіе еще съ дороги, съ Кишинева.— Въ послѣдніе мѣсяцы на тихомъ Дунаѣ, на Савѣ, Моравѣ шло такое мордобитіе, о какомъ уже даже и у насъ, въ внутреннихъ губерніяхъ въ послѣдніе года мало слышно было. Грубостямъ же и жестокостямъ подвергались и сербы и болгаре, подъ водомъ пріученія къ военному искусству. Наши бурбоны никакъ не могли взять въ полкъ, что серба точно надо обучить военному искусству, но нѣтъ надобности пріучать къ рабскому и церемонному отношенію къ офицеру, особенно на улицѣ, въ кафансѣ, словомъ виѣ службы, и начали учить сербовъ и болгаръ не столько дѣлу, сколько „знать начальство.” Не только армейскіе бурбоны, а и свыкшіеся съ русскими порядками журналисты, въ родѣ васъ, не догадались или не знали, что у серба или даже болгарины подъ гнетомъ весьма несложнаго, и при томъ чужого турецкаго ига сохранилось гораздо больше столько же сознательнаго, сколько и органическаго, свойственнаго „варварамъ,” а особенно южнымъ племенамъ, чувствія личной неприкосновенности, — чѣмъ у насъ, послѣ столькихъ вѣковъ подчиненія своему деспотизму, крѣпостному праву, табели о рангахъ, — что даже въ Турціи, благодаря ея магометанско-религіозному строю и первобытности формъ ея деспотизма, несравненно больше привычекъ равенства и бесословности, чѣмъ у насъ. Тѣмъ паче въ княжествѣ Сербіи, гдѣ цѣлѣя поколѣнія не знаютъ крѣпостнаго права, ни даже дворянства, и гдѣ младшее поколѣніе воспиталось при дѣйствіи политической свободы. А наши бурбоны вздумали учить сыновъ „гайдуковъ” и „войниковъ” или гражданъ конституціоннаго государства — зуботычинами и палочьемъ!

Грубымъ самодурствомъ и надъ сербами и надъ русскими отличались, по разсказамъ, именно высшіе начальники, — какъ генералъ Даневиль, агентъ столичнаго славянскаго комитета, состоявшій при штабѣ генерала Черняева, генералъ Новоселовъ, начальникъ ибарской арміи, г. Лашкевичъ, начальникъ отряда княгини Наталіи и т. п.

Вотъ это то бурбонство, презрѣніе къ чужой личности и национальности да еще совсѣмъ не нужная даже для сербской простой, какъ и для русской, народной религіозности, парадно-архіерейской, византійско-московская помпа, съ чудовскими пѣвчими, — куда какъ умѣстная на полѣ битвы вообще, а особенно тамъ, гдѣ архимандриты командуютъ военными отрядами! — вотъ то „новое,” что выставилось на верхъ у русскихъ добровольцевъ въ Сербіи и закрыло то доброе, что у нихъ было, — кромѣ, конечно, храбости въ бою, которая не есть принципъ, а отъ весьма сложныхъ условій зависящее органическое явленіе, а потому въ данномъ случаѣ и не подлежитъ обсужденію *).

*) Разсказы и письма говорятъ также о денежныхъ „неаккуратностяхъ“ или по просту о казнокрадствѣ многихъ завѣдывавшихъ деньгами, присылаемыми на волонтеровъ и госпитальными, о „вычетахъ“ неизвѣстно въ чью пользу, о требованіи расписокъ на высшую сумму, чѣмъ та, которая выдавалась и т. п. При желаніи дойти до правды, редакторамъ газетъ не трудно провѣрить эти разсказы. Несомнѣнно, что иные изъ лицъ поставленныхъ во главѣ дѣла, напередъ были лишены довѣрія общества, знавшаго ихъ. Такъ напр. иные, присылавшіе пожертвованія, прямо говорили, что просятъ не давать ихъ г. Токареву, извѣстному своимъ поведеніемъ во время губернаторства въ одной изъ сѣверо-западныхъ губерній. Нарсканія на ген. Комарова и штабъ ген. Черняева, наполненный матушкиными сыниками и протеже великосвѣтскихъ славяноблаготворителей, неумѣлость которыхъ успѣла разозлить даже личнаго пріятеля Черняева, купца Хлудова,—проникли даже въ нашу печать. И всѣ эти обстоятельства, эта „неаккуратность“ съ вѣреніемъ обществомъ деньгами, эта сила рекомендаций изъ столичнаго большого свѣта, иаконецъ эта быстрота, съ какою всплыли на верхъ повидиму чистаго славянскаго дѣла, тупицы-богомолки и ташкентцы-странники муравьевско-туркестанскіе,—вовсе не случайность, а неизбѣжная принадлежность турецкой Руси! Даже корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 292) желаетъ измѣненія порядковъ въ русскихъ госпиталяхъ въ Сербіи, находя въ нихъ „такія чиновническія условія при которыхъ не всякому пріятно въ нихъ работать,“ и наивно удивляется, что „вообще въ Сербіи никто не знаетъ, куда ушли деньги, общльно притекающія изъ Россіи, тогда какъ англійскія пожертвованія въ Сербіи можно сосчитать все до копѣйки.“ Въ томъ то все и дѣло, что во всей Россіи господствуетъ „такіе чиновничіи порядки, при которыхъ не только работать нельзя пріятно,“ но просто жить нельзя, и въ томъ то и дѣло, что англичанами потому ведется счетъ деньгамъ общественнымъ всюду, что Англія государство конституціонное, въ которомъ общественный контроль постоянно провѣряетъ все дѣла сверху до низу, а въ Россіи всякий чиновникъ, поставленный хоть на часъ, считаетъ себя калифомъ самодержавнымъ и безошибочнымъ!

(*) „Самодержавие“?

Впрочемъ главные, дававшіе тонъ, самодуры и бурбоны остались цѣлы. Но мы готовы даже согласиться съ тѣмъ, что вѣдь наши добровольцы, не исключая и главныхъ бурбоновъ и даже часть тѣхъ, у которыхъ какъ то упливали даннныя имъ на партіи деньги, были „теплые ребята”, „хорошіе люди”. Но тѣмъ хуже для той Россіи, гдѣ они не выучились иному *modus vivendi* кромѣ башибузукаго мордобитія, раздаваемаго всякому подначальному, — не выучились уважать чужія народныя привычки, — тѣмъ хуже для васъ, господа монопольные руководители и выразители общественаго мнѣнія въ этой Россіи, что вы, ни постоянной критикой внутреннихъ дѣлъ нашихъ, ни даже краткимъ напутствіемъ, разъясняющимъ общіе принципы служенія свободѣ, не по-дѣйствовали на воспитаніе этихъ теплыхъ ребятъ, этихъ несчастныхъ храбрецовъ, которымъ пришлось заплатить своими головами за медленность правительства въ отсылкѣ ультиматума Портѣ и послужить предположенному нашими правителями „обливанію холодною водою славянскаго энтузіазма въ Россіи”. Они послужили къ охлажденію энтузіазма къ русскимъ въ Сербіи и Болгаріи!

Слова иѣтъ,— вся эта экспедиція нашихъ добровольцевъ не останется безъ слѣда въ дѣлѣ установленія тѣсной связи между славянами разныхъ племенъ. Кой чemu изъ нея получится и русское общество, въ томъ числѣ и пробамъ самостоятельной политической дѣятельности, особенно если не остановится на теперешнемъ моментѣ, а пойдетъ далѣе къ политической свободѣ. Но пока теперь, — сербы, которые, надо замѣтить, ждали и ждутъ, какъ и мы, да и вы, надѣемся, выступленія противъ турокъ русской арміи, а не нѣсколькихъ тысячъ волонтеровъ, имѣютъ основаніе сказать, что если они со стороны офиціальной Россіи видѣли медленность, неискренность и наконецъ оскорблениѳ, — то неофиціальная Россія показала имъ не только примѣры русской щедрости, русской храбрости, русской готовности помереть за дѣло убѣжденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и русскихъ башибузуковъ, — что башибузукія привычки и инстинкты могутъ быть у многихъ даже порядочныхъ и добрыхъ сердцемъ русскихъ людей. Сербы и болгаре могутъ словомъ сказать, что они видѣли Русскую Турцію! Независимо отъ того иные откровенные сербы и теперь говорятъ, что „вы бы, господа, у себя прежде устроили ту свободу и благосостояніе, какія хотите доставить намъ, и какими у нась, въ книжествѣ, мы

пользуемся въ такой мѣрѣ, что вамъ и нескоро достигнуть." И относительно княжества Сербіи, — это, конечно, безспорно вѣрно, — не смотря на его вассальную зависимость отъ Турціи.

А наши еще хотятъ освобождать братьевъ - славянъ и въ другихъ странахъ, кроме Турціи! Что касается до этихъ славянъ подъ Австро - Венгріей, Пруссіей, Румыніей или напр. въ частности до русиновъ (малороссовъ или украинцевъ) подъ поляками въ Галичинѣ, подъ Венграми въ Восточной Венгріи, подъ нѣмцами и молдаванами въ Буковинѣ, — то, какъ ни справедливы ихъ жалобы на национальное притѣсиеніе, какъ ни простительны ихъ надежды на Россію, какъ на возможную избавительницу (не такъ то ужъ впрочемъ сильныя, какъ у насъ думаютъ, и слишкомъ часто подвергаемыя искушению и разочарованію), — по теперь, пока господствуютъ у насъ теперешніе порядки, намъ, такимъ, какіе мы есть, смѣшино и заикаться объ освобожденіи этихъ „братьевъ“ *). Вѣдь теперь даже притѣсненный словакъ и

*) Кромѣ национальныхъ есть въ иѣкоторыхъ и славянскихъ и неславянскихъ земляхъ, пограничныхъ съ Россіей, въ массѣ народа еще и соціальная надежды, которая тоже ничто иное, какъ только порожденіе недовольства настоящимъ, складывающеся по формулы: „гдѣ же лучше? — гдѣ настѣть.“ Это совершенно особь - статья, и мы о ней не упоминали бы, если бы не предвидѣлась вѣроятность хотя слабаго повторенія онятъ полуславянофильской и четвертьсоціалистической фразеологіи о крестьянской миссіи Россіи, — фразеологіи, которая такъ шумно являлась на сцену въ 1863 — 65гг., когда даже въ „Голосѣ“ печатались въ пику „лехитскому элементу въ Польшѣ“, — страницы будто изъ Колокола, а то изъ „Романовъ, Пугачевъ или Пестель“ Бакунина, или „Народъ и Государство“ Мартынова. Фразеология эта въ нашихъ газетахъ являлась съ той безцеремонной легкостью, къ какой способенъ только русскій публицистъ, который чувствуетъ, что на практикѣ ему не придется прикладывать своихъ словъ, — а со стороны чиновниковъ въ Польшѣ и Западномъ краѣ скоро, — послѣ полученія фермы за службу, — окончилась весьма любезнымъ союзомъ чиновническаго, а дальше и антигенерско-газетнаго демократизма со всякими противокрестьянскими элементами, шляхетскими, еврейскими и иными. Слабое подобіе этой фразеологии видно и въ вашей газетѣ, въ статьяхъ о моихъ архіческо-крестьянскомъ русскомъ строѣ! Дѣйствително, — народъ напр. въ Карпатахъ и отчасти и въ Молдавіи, надѣется, что если придетъ „московский царь“ или „якійсь царь“, то „панамъ и жидамъ не буде такой волі,“ — а то и раздѣлять землю по ровну. Но эти надежды совершенно одного рода съ толками о „слушномъ часѣ,“ „настоящей царской волѣ,“ которыя были и у крестьянъ въ Россіи и тѣми надеждами, что скоро царь будетъ землю дѣлить по-

даже румынскій жидъ пользуется большей свободой, не только личной, но и національной, чѣмъ въ Россіи не только полякъ, литвинъ, украинецъ, румынъ, грузинъ, — по даже чѣмъ членъ господствующаго великорусскаго племени, москвичъ, которому запрещала же полиція даже молебны у Иверской править за братьевъ - славянъ, или чѣмъ представитель „патріотической” русской печати, на котораго только подуетъ вѣтеръ изъ канцеляріи, — и весь его патріотизмъ, многолѣтній трудъ, имущество полетитъ, какъ карточный домъ. Казалось бы, что хоть это послѣднее не должно быть секретомъ для Васъ. Не вспоминая уже исторіи съ коршевскими „С. Петербургскими Вѣдомостями,” — вѣдь должны же Вы помнить хоть распоряженіе редакціямъ газетъ, развезенное прошлою осенью, въ которомъ сказано было, что если газета пикнетъ по славяно-турецкому вопросу что либо несогласное съ тѣми беззвѣтными заявленіями, какіе были сдѣланы въ „Правительственномъ Вѣстнику,” — то будетъ сейчасъ же закрыта, не дожидаясь даже 3-го предостереженія. Такъ вы ужъ сами сначала найдите секретъ, какъ освободитесь самимъ, если вы недовольны моими секретами.

Я же не знаю, чѣмъ кончится теперешняя *impasse orientale*, — но знаю, что турецкіе порядки въ Россіи въ теченіи всего XIX в. были лучшею опорою турецкаго господства въ Константинополѣ, — не говоря ужъ о томъ, что они были и будутъ лучшимъ оправданіемъ послѣднихъ. Я не знаю, чѣмъ кончится теперешняя дипломатическая возня съ Турцией; я не берусь предсказать всѣхъ путей славянской свободы въ

ровну между всѣми, — которыхъ и теперь ходятъ напр. въ лѣвобережной Украинѣ. Это довольно серьезное явленіе, — и о немъ можно говорить, но, конечно, не съ петербургскими газетами; и, конечно, „слушный часть,” „настоящая парская воля” настанетъ въ Карпатахъ только тогда, когда „московский царь” начнетъ дѣлить землю по ровну и въ Россіи. Но кто же обѣ этомъ можетъ говорить, кроме крестьянъ въ Карпатахъ или въ Полтавщинѣ? Въ сколько нибудь образованныхъ слояхъ теперь общественные элементы такъ уже раздѣлились, что новое повтореніе мѣшанины 1863 — 65 гг. врядъ ли и возможно даже и въ такой степени, какъ тогда. Теперь соціалисты не пишутъ брошюръ вродѣ Бакунина и Мартынова и, вѣроятно, ни „Голосъ,” ни „Новое Время” не станутъ проповѣдывать ничего похожаго на соціализмъ не только въ Россіи, но даже въ Турціи и Австріи! А потому мы имѣемъ тѣмъ болѣе основаній не говорить здѣсь о соціальной сторонѣ славянскаго вопроса, а только обѣ одной національно-политической.

Константинополь, но знаю, что путь черезъ Петербургъ и Москву былъ бы путь вѣрный. Поставьте въ Россіи на мѣсто турокъ внутреннихъ самую элементарную человѣческую и национальную свободу, — и турки виѣши, а дальше и всякая мадьяризациѣ и германизациѣ славянъ, всякая полонизація русиновъ и т. п., — не продержатся и трехъ дней. Я знаю также, что турка могутъ и не побить еще, а если побьютъ, то мы все таки останемся дома рабами турецкихъ порядковъ, если теперь повторимъ туже ошибку, которую сдѣлали многіе довольно даже благомыслящіе и неглупые люди во время польского восстания 1863 г., — а именно, пустились звать общество къ ополченію на враговъ виѣшихъ, не заручившись сначала, или не требуя хоть рядомъ съ этимъ, внутреннихъ учрежденій, политическихъ правъ, которыхъ одни могутъ обеспечить плоды и виѣшихъ победъ, если они еще и будутъ. Въ 1863 г. впервые пошла въ ходъ подача патріотическихъ адресовъ, — и эти адресы были болѣе достойны развитыхъ людей, чѣмъ теперешніе: во многихъ изъ нихъ (тверскомъ, костромскомъ и даже петербургскомъ) были ясные намеки на конституцію, — и даже, въ отвѣтъ на петербургскій адресъ, говорилось о томъ, что въ свое время представители страны будутъ призваны раздѣлить съ правительствомъ завѣдываніе государственными дѣлами, — и даже журналъ Каткова совѣтовалъ потопить польскій сепаратизмъ во всероссійской говорильни. Въ 1863 — 65 гг. этими людьми, которые думали совмѣстить антипольское движение съ дѣломъ русской и даже все славянской свободы, воспользовались, но вовсе не для того дѣла, для котораго они думали служить, — вовсе не для освобожденія славяно-польского, литовского, бѣлорусского, украинского народа отъ пановъ и ксендзовъ, которые благополучно пережили грозу, — а для германизаціи Польши подъ покровомъ ея обрусенія, для подавленія свободнаго движения и въ самомъ русскомъ обществѣ. Потомъ этихъ людей бросили, какъ выжатый лимонъ, и даже газета Каткова стала получать предостереженія, а потомъ сдѣлалась только лейбъ-органомъ гр. Дм. А. Толстого, — одного изъ самыхъ желательныхъ для польско-магнатской и остзейско-баронской партіи дѣятелей, потому что ей всего менѣе желательно народное образование въ Россіи; — введенныя прежде реформы начали урѣзываться, — и наконецъ вся Россія гришла въ то состояніе апатіи, какое мы видѣли въ послѣдніе годы и изъ кото-

раго многіе надѣются вывести ее черезъ войну съ Турками. На мѣсто же исполненія славянофильскихъ мечтаний явился „союзъ трехъ императоровъ,” это повтореніе меттерниховскаго священнаго союза, союзъ, въ которомъ прославленный русскій канцлеръ, представитель „национальной русской и славянской политики” шелъ на помочахъ германизатора Бисмарка и мадьяризатора Андраши, а русскій посолъ въ Вѣнѣ, сотрудникъ славянофильской „Русской Бесѣды” помогалъ низверженію министерства Гогенварта, желавшаго сдѣлать уступку славянско-федеральнымъ требованіямъ чеховъ, — и славянская Россія потерпѣла полуторагодовую рѣзню сербовъ и болгаръ и теперь идетъ на какую то „административную для нихъ автономію,” обеспеченную надзоромъ семи нянекъ, — шести великихъ державъ и седьмой — Турціи!

Все недавнее прошлое слѣдовало бы теперь же зарубить на носу, — чтобы не повторить прежнихъ ошибокъ и упущеній, и по прежнему не остаться у себя дома ни съ чѣмъ, — и чтобы не обмануть и тѣхъ, въ комъ мы поддерживаемъ пылкія надежды. Зарубить себѣ это на носу слѣдуетъ прежде всего дворянскимъ, земскимъ, городскимъ собраніямъ, которыхъ теперь пишутъ патріотические адресы, да печати, которая ихъ вызываетъ и подхватываетъ; тѣмъ ученымъ, профессорамъ, которые принимаютъ теперь дѣятельное участіе въ публицистической агитациіи по славянскому вопросу, тѣмъ многочисленнымъ комитетамъ, собирающимъ пожертвованія и отправляющимъ волонтеровъ, развитымъ людямъ изъ этихъ волонтеровъ и ихъ близкимъ; — всѣмъ этимъ „представителямъ русского общества” слѣдуетъ каждому въ своей сфере поставить прямо, ясно и дружно вопросъ о политической свободѣ, безъ которой невозможно успешное движеніе Россіи ни виѣшнее, ни внутреннее. Если въ русскомъ обществѣ и печати есть хоть капля общественнаго развитія и достоинства, они должны это сдѣлать. Нечего обманывать себя софизмами, — что, молъ, „не время; дайте сначала виѣшнихъ враговъ одолѣть.” Такъ обманывали себя и въ 1863 г., такъ обманывала себя и на-полеоновская Франція. Мы не говоримъ, что нужно пользоваться временемъ, когда правительство нуждается въ общественной поддержкѣ для войны виѣшней. Въ настоящее время это соображеніе не идетъ къ дѣлу уже и потому, что правительство наше, очевидно, сдѣлало все возможное, чтобы

затереть сербское восстание, сдержать сочувствие русского общества къ возставшимъ, погубило столько сербовъ, болгаръ и русскихъ и уступило отчасти уже тогда, когда на карту была поставлена вся репутация Россіи, не только, какъ славянской земли, но и какъ великой державы; когда Турція дѣйствительно начала раздавать Россіи „оплеухи,” — по официальному выражению, — и при томъ гораздо болѣе сильныя, чѣмъ тѣ, какія наше правительство скушало на здоровье во время кандійскаго восстания. Мы говоримъ: давно уже нужно намъ было заставить наше правительство положить конецъ рѣзиѣ нашихъ братьевъ въ Турціи. Теперь же, когда оно, въ виду невозможности продолжать свою гибельную политику, выступило болѣе энергически, — нужно настоять, чтобы господство турокъ на балканскомъ полуостровѣ было покончено разъ на всегда, и если для этого неизбѣжна война, то нужно обеспечить успѣхъ войны общественнымъ контролемъ надъ чиновниками; нужно сдѣлать всю внутреннюю и виѣшнюю политику страны дѣйствительно славянскою, народною, реформирующую и освобождающую! Нужно, словомъ, и для братьевъ и для самихъ себя устроить домъ, въ которомъ можно было бы жить хоть сколько нибудь по человѣчески и развиваться безпрепятственно. Ограничиваться одними заявлениями, что мы, молъ, готовы пролить кровь свою, если намъ это прикажутъ, значитъ повторять только фразы слугъ, а вовсе не гражданъ: мы давно ходимъ, куда прикажутъ; намъ вѣдь приказывали когда-то и спасать Турцію отъ египетского восстания, для того чтобы „превратныя французскія идеи не свили себѣ гнѣзда въ Каирѣ.” Насъ и теперь могутъ не повести противъ турокъ, могутъ и остановить на полдорогѣ въ Константинополь, могутъ ограничиться какой нибудь половиной „административной автономіей” славянъ турецкихъ; наконецъ, послѣ всей нашей службы, у насъ все таки останутся дома турецкіе порядки.

Я думалъ, что если не все это, то хоть большая половина составляетъ азбуку для всякаго образованнаго человѣка, который хоть сколько нибудь жилъ и мыслилъ, но оказывается, что для васъ это — секретъ. Но если это такъ, — то я очень радъ открыть его вамъ. Очень радъ буду, если вы сможете „подѣлиться имъ съ публикой,” хотя бы даже для

того, чтобы высказаться о немъ отрицательнымъ образомъ. Если же окажется, что намъ съ вами еще рано до обсуждения въ Петербургѣ такихъ матерій даже въ формѣ письмическихъ рѣчей о томъ, что составляетъ аксіому для образованныхъ обществъ, то, по моему, гораздо достойнѣе молчать, чѣмъ съ развязнымъ видомъ говорить лакейскія рѣчи, — хотя бы, какъ мы готовы вѣрить, и съ благими намѣреніями.

M. Драгомановъ. (X)

Женева.

1876 г., Ноября 27.

х, съ некоторыи л. п. Драгоманова въ сбѣрѣніи
Брюшорѣ.

P. S. Теперь события идутъ скоро даже для неповоротливой Россіи. Пока печаталась наша брошюра, мы прочитали три извѣстія изъ числа тѣхъ, какія обращаютъ на себя больше вниманія.

Первое изъ нихъ—объ энергическихъ мѣрахъ для сосредоточенія войскъ у Прута, не заставляетъ, впрочемъ, насть взять ни слова назадъ изъ того, что мы говорили о необходимости общественнаго контроля надъ исполнительною властію и въ военное время, если оно наступитъ. А кромѣ того даже это сосредоточеніе войскъ на Прутѣ не исправляетъ ошибки допущенія турокъ до взятія алексинацко-делиградской позиціи. Если, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, турки успѣютъ опустошить половину Сербіи, и Бѣлградъ займутъ австрійцы, прежде чѣмъ русская армія дойдетъ до Дуная, то въ этомъ никто не будетъ виноватъ больше, чѣмъ наше правительство.

Второе — извѣстіе, что князь Черкасскій предназначается для устройства аграрныхъ отношеній въ Болгаріи заставляетъ спросить: будетъ ли продолжаться преслѣдованіе всякаго намека на демократизмъ и соціализмъ въ Россіи въ то время когда кн. Черкасскій будетъ прилагать за Дунаемъ московско-славянофильскій „полусоціализмъ” и не заведется ли рядомъ съ офиціозными Гракхами за Дунаемъ новое изданіе такой же офиціозной „партии Вѣсти”, которая на этотъ разъ, кромѣ русскихъ олигарховъ, и остзейскихъ бароновъ, и польскихъмагнатовъ, приметъ въ свою среду

еще и турецкихъ беговъ, при чмъ фанаріотскіе греки будуть связью этого новаго задунайскаго „охранительного элемента” съ петербургскими ханжами большаго свѣта?

Третье — о намѣреніи турецкаго правительства представить искъ русскому правительству за убытки, причиненные Турцией русскими добровольцами, которыхъ русское правительство должно было, на основаніи статьи Свода Законовъ, сослать въ Сибирь за поступление, безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія, въ службу иностраннаго государства. Русскія газеты смѣются надъ этимъ искомъ, котораго, конечно, Турція не выиграетъ, но только потому что никакой окружной судъ его не приметъ. А прими его кто нибудь, — то Турція непремѣнно выиграла бы — и будь русскіе публицисты болѣе политически развиты, они бы воспользовались и этимъ случаемъ, чтобы указать еще разъ на устарѣлость русскихъ крѣпостныхъ отношений гражданъ къ государству и на несоответствіе этихъ отношений интересами даже этого послѣдняго. Вѣдь къ Англіи подобнаго иска предъявить нельзя, именно потому что англичане по конституціи имѣютъ правоѣздить безъ паспортовъ за границу и дѣлать тамъ съ собою, что имъ угодно.

Да!

Вообще эти новые факты, о которыхъ мы упоминаемъ въ этомъ post scriptum'ѣ, какъ и всѣ тѣ, о которыхъ мы говорили въ брошюрѣ, показываютъ только всю неповоротливость и непригодность русскаго политическаго строя не только для жизни въ немъ народа, но даже и для интересовъ государства. Судьба поставила московскому царству изъ котораго выросла теперешняя россійская имперія, совершенно революціонныя задачи по всей западной линіи, отъ остзейскаго края, до Чернаго моря, — гдѣ на разныя родственныя и неродственныя великоруссамъ народныя массы и національности, легли чужія династіи, племена-сословія, духовенства.

Какая есть возможность исполнять освобождающія, совершенно революціонныя задачи, политическія, національныя и даже соціальные и анти-клерикальныя, государству, сохранившему весь неуклюжій средневѣковый, полуазіатскій строй самодержавно-клерикальнаго боярскаго царства, заимствовавшаго изъ европейскихъ своихъ отношений только тормаза нѣмецкой дружбы, уточненное французско-бранденбургское чиновничество да пониманіе принципа національности въ видѣ насильтственнаго „обруセンія”?

Изъ этихъ противурѣй проходитъ нечто до того сумбурное и во виѣшней и внутренней политикѣ, — такая путаница, что ея не вынесетъ ни одна маломальски образованная и логическая голова. Одна политическая свобода можетъ открыть хоть начало выхода изъ этого невыносимаго „заколдованныаго” круга.

М. Драгомановъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:
ПО ВОПРОСУ

о

МАЛОРОУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѦ.

Вмѣсто предисловія.—Новое гоненіе на малорусскую литературу въ Россіи, его причины и ближайшія слѣдствія. Политическая и литературная сторона вопроса.

Противоукраинофильская литература 1875 — 1876 гг. — Злонамѣренные, невѣдущіе и недогадливые. — Малорусскій языкъ. — Одно русское общество, двѣ русскія народности, три русскія литературы въ Россіи. — Польское, пѣмѣцкое и юдѣйское общество, малорусская народность, малорусская и бурсако-русская литература въ Австро-руссихъ земляхъ. — Вопросъ обѣ узкости круга и интересовъ, не-культурности и новизнѣ малорусской литературы. — «Украинофильство» во Франціи, Италии и др. старокультурныхъ земляхъ. — Панславизмъ, панруссизмъ и панмалоруссизмъ. — Кадры малорусского возрожденія въ Галичинѣ. — Поверхностное и органическое единство, космополитическое и племенное.

Приложение: Гильфердингъ о малоруссахъ въ славянствѣ и сербо-хорваты о малорусской литературѣ.

WIEN, C. HELF, 1876 г. Цѣна 75 кр., — 1 фр. 50 с.

Imprimerie Russe, Eaux-Vives, Chemin Montchoisy, 26. Genève.

